

УДК 32.01:316.344.42

ЛОКАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ: ОТ «КОАЛИЦИЙ КООРДИНАЦИИ»
К «КОАЛИЦИЯМ КОНТРОЛЯ»

Ю. А. Пустовойт

LOCAL POLITICAL MODE: FROM «COALITIONS OF COORDINATION»
TO «COALITIONS OF CONTROL»

Yu. A. Pustovoyt

Наше исследование ставит своей целью выявление механизмов формирования и условий развития локальных политических режимов. Теоретической основой работы выступают ключевые положения концепции становления режимной политики в городских сообществах американского исследователя Кларенса Стоуна. Предлагается через введение концептов «коалиции координации» и «коалиции контроля» показать динамику перехода между различными типами режимов, их обусловленность отношениями «центр – периферия» и соответствующими объемами капиталов. В качестве предлагаемой эмпирической базы для проверки пилотажной гипотезы исследования рассматривается политическая история крупного индустриального центра.

The research focuses on identifying the mechanisms of forming and conditions of development of the local political modes. The theoretical basis of the work are the key points of Clarence Stone's conception on political regime formation in urban communities. The author suggests introducing the concepts of «coalitions of coordinations» and «coalitions of controls» to show the dynamics of transition between different types of modes, their dependence on the «centre – periphery» relations and the corresponding volume of capitals. Political history of a large industrial centre is examined as the empiric base for verification of the research hypothesis.

Ключевые слова: политический режим, элита, коалиция, капитал.

Keywords: political regime, elite, coalition, capital.

Почему одни городские сообщества развиваются, другие – нет? Насколько развитие связано с реальными механизмами осуществления власти в локальных сообществах? Какой комплекс ограничений стоит на пути социальных и культурных инициатив, ориентированных на развитие городского сообщества?

Внешним, «гражданским», обстоятельством, стимулирующим предлагаемое исследование, был подъем гражданской активности как реакция на позицию властей в отношении отдельных кадровых перемещений, размещение на территории города небезукоризненных, с точки зрения экологической безопасности, предприятий. Внутренним, «политологическим», – появление в русле политической науки работ, дающих четкие методологические, нормативные и организационные ориентиры исследовательскому процессу в локальных сообществах. В середине 2012 года вышло масштабное исследование В. Г. Ледяева «Социология власти. Теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах», где подробнейшим образом разбиралась история и методология изучения власти в городах США, и был предоставлен краткий обзор европейских и российских исследований. Отдельную роль здесь сыграло активное распространение принципов, методов и результатов работ как классических и современных макросоциологических исследований (К. Поланьи, Р. Коллинза, И. Валлерстайна, Ч. Тилли, Дж. Арриги, П. Бурдьё, М. Манна и др.), так и опыт использования макросоциологических моделей на российском эмпирическом материале (С. Нефедов, П. Турчин, Г. Дерлугян, Н. Розов и др.).

В современной России в эмпирических исследованиях на региональном и городском уровне концепция режимов активно использовалась в работе

В. Гельмана, С. Рыженкова [1, с. 132 – 133], где выделена отличная от американских и европейских городов логика развития, приоритеты которой задаются не столько местными интересами, сколько стратегиями властных структур более высокого уровня. Неформальные договоренности и оценка их индивидуальной и социальной эффективности находились в центре внимания А. Чириковой, Д. Рогозина, А. Олейника, А. Даугвейт. Постномклатурные традиции управления нашли отражения в работах В. Мохова, Д. Г. Сельцера. Отдельные аспекты становления и функционирования локальных властных групп, рекрутации элиты и карьерных траекторий в контексте административных реформ и политических изменений приведены в сборниках под редакцией О. В. Гаман-Голутвиной и А. В. Дуки.

Теоретической основой исследования выступает концепция политического режима, введенная американским исследователем Кларенсом Стоуном «Режимная политика: правление в Атланте, 1946 – 1988». В его исследовании ядро режима, коалиция, представляет собой широкий и относительно устойчивый спектр взаимодействий, основанный, прежде всего, на неформальных связях акторов и формулирующий свою «повестку дня» через согласие по поводу фундаментальных ценностей, целей и программ развития городской общности. Новизна подхода К. Стоуна заключалась в смещении перспективы видения политических процессов от власти как механизма принуждения к власти как умению координировать усилия, договариваться и совместно достигать поставленных целей. Стоун выделяет следующие признаки политического режима: широкий спектр взаимодействия, наличие неформальных связей, высокую степень коопе-

рации совместных усилий, степень стабильности, кросс-секторальный характер, согласие по фундаментальным ценностям и наличие ресурсов для достижения целей.

Здесь необходимо сделать небольшое методологическое отступление. Нас интересуют в первую очередь взаимоотношения среди тех лиц, которые обычно обозначаются понятием элита, политическая элита. Не вдаваясь в традиционный и бесконечный спор о содержании этого понятия и о границах исследуемой группы, отметим, что в нашем случае вслед за Г. Дерлугьяном мы считаем элитой обладателей высококонцентрированных капиталов (экономических, культурных и образовательных стратегий, приносящих успех вчера и инвестируемых в будущее) [2, с. 214].

Для идентификации элиты предлагаем подход, разработанный в русле идей Ф. Хантера, Ч. Р. Милса, У. Домхоффа, М. Манна и Р. Лахмана, определявшими элиту как круг лиц, занимающих ключевые позиции в официальных организациях, что позволяет им принимать общезначимые решения и добиваться их реализации на практике. Критериями элитного статуса выступают: позиция (кто занимает ключевые должности), репутация (кто выделяется личностными качествами) и возможности (кто побеждает в конфликтах и может блокировать нежелательные для себя решения).

Коалиция по своему составу включает представителей различных сегментов и уровней политической элиты, связанных общими обязательствами для реализации общего курса, не все представители элиты входят в число тех, кто составляет основу режима и несет ответственность за реализацию его повестки.

Ключевое место в «повестке дня» занимает проблема власти. В. Г. Ледяев различает две традиции в выделении и описании феномена власти: как «социального контроля» (Т. Гоббс, М. Вебер, Г. Лассуэлл, Р. Даль, Д. Ронг и др.) и как «социального производства» (Платон, Аристотель, Р. Парнсонс, Х. Арндт, М. Фуко). В первом случае речь идет о том, что власть рассматривается как конфликтное асимметричное отношение, где выигрыш одного неизбежно связан с потерями другого («власть над»), во втором – как способ координации усилий для достижения общих целей, некоего общего блага («власть для») [3, с. 105 – 106]. Как показали итоги исследования Барбары Фридман в восточном Чикаго и Питтсбурге (в основе изучения лежали теоретические постулаты К. Стоуна), обе модели присутствуют в локальной политике, но в одних условиях доминирующей становится модель контроля (Чикаго), в других – социальное производство (Питтсбург).

Представим «кооперацию» и «контроль» как полюса гипотетического континуума, между которыми могут располагаться некоторые промежуточные типы. Выделение их произведем на основании трехмерной модели власти, предложенной С. Льюксом: власти как насилия (Р. Даль), блокировки (П. Бахрах, М. Баратц) и способности формировать необходимый комплекс установок (А. Грамши, М. Фуко, Дж. Скотт, П. Бурдьё).

Основой для выделения оценок дистанции власти предлагаем, вслед за С. Льюксом, наличие конфликта интересов (отсутствие, латентный конфликт наблюдаемый (скрытый или явный)) [4, с. 56] и средства, обеспечивающие повиновение [4, с. 21].

Введем следующую систему оценок «дистанции власти».

Дистанция («0») – «идеальная кооперация» представляет собой скорее «идеальный тип», чем эмпирическую реальность. Состав коалиции воспроизводит интересы носителей экономического, культурного и социального капитала городского сообщества. Конфликта интересов нет, источником власти выступает авторитет, основанный на побуждении, стимулировании и убеждении оппонентов. Политическое взаимодействие описывается как игра с «не нулевой» суммой, игры регулярно повторяются, основным критерием индивидуальной и групповой успешности выступает реализация «повестки дня».

Дистанция «1» – «манипулятивная кооперация», дистанция, близкая к «идеальному» типу. Конфликт интересов носит латентный характер, то есть участники политического процесса не осознают собственных интересов вследствие как мистификации, так и отсутствия идеологических альтернатив.

Основной тип капитала – символический, связанный с обладанием определенным авторитетом и репутацией. Основным средством коалиции, позволяющим реализовать ее цели, выступает способность формировать необходимый комплекс поведенческих установок в неэлитарных группах, поддерживающих сложившуюся систему социальной иерархии. В отличие от предыдущей дистанции здесь появляется тенденция к монополизации доминирующей идеологии. Оппоненты не обладают сопоставимыми ресурсами в областях культурного производства. Появляются внешние средства контроля над созданием и распространением массовой информации. Политические игры представляют собой игру с «нулевой» суммой, основным критерием успешности выступает рост подконтрольного индивидуального (экономического или культурного) или группового (символического или социального) капитала.

Дистанция «2» – «блокировка опасных инициатив», дистанция, при которой инициативы, способные изменить существующую гегемонию коалиции, блокируются и не реализуются. Конфликт интересов носит скрытый характер. Он осознается участниками, однако подвластные удерживаются от активных действий за счет инерции или угрозы применения силы.

Основной ресурс власти – контроль над «повесткой» дня и исключение «опасных» проблем из обсуждения. Признаком роста дистанции является усиление объемов всех видов пропаганды и использование всего диапазона экономических, юридических и символических санкций за оппозиционную идеологическую деятельность.

Событием-индикатором перехода на этот уровень служит ограничение на обсуждение социально-политических проблем. Событием-индикатором окончания

этого уровня служит переход к репрессиям и контролю политической активности.

Дистанция «З» – «социальный контроль». Явный конфликт интересов. Недовольство «прорывается» в различных формах, от активных действий управляемых удерживает только недостаток ресурсов. Основной ресурс поддержания властной гегемонии – репрессии и активация всех формизбирательного и массового контроля. В этом случае коалиция использует весь комплекс ресурсов принуждения: заставляет под угрозой насилия подчиняться, блокирует все не санкционированные инициативы и проводит активную пропаганду.

Таким образом, по отношению к типам источникам власти мы можем выделить четыре типа политических режимов – коалиций «власти координации» и «коалиций контроля».

Возьмем за основу положения теории «машин роста», постулирующее, что главной стратегической проблемой города является его рост (Харви Молотч, Джон Логан), определяемый увеличением численности населения, повышением уровня экономической активности и интенсификацией использования земли, то основу «повестки дня» составляет идеология городского развития. На данный момент в качестве условного, косвенного индикатора роста мы используем (ориентируясь на Р. Э. Парка) среднюю стоимость жилья, хотя понимаем несовершенство выбранного критерия.

Наше исследование проведено на микроуровне – уровне политической истории города. За основу были взяты интервью, биографические данные (в той или иной степени мы стремились проследить судьбы всех, кто каким-то образом проявлял политическую активность) и анализ публикаций в ведущей городской газете (было просмотрено порядка 300 сообщений на политические темы или с упоминанием тех или иных политических персоналий). В некоторых случаях, как, например, при реконструкции приватизации предприятий металлургической отрасли привлекались публицистические материалы из различных средств массовой информации

Выводы, сделанные нами, не носят окончательного характера, хотя и маловероятно, что после дополнительного сбора информации существенно изменятся. Нам не удалось окончательно решить проблему доступа к ключевым респондентам, что, кстати, достаточно хорошо проявляет рост дистанции от населения представителей властных структур. В конце 90-х годов отказы от встреч были редкостью даже среди работников администрации, в настоящий момент попытки установления контакта уже с депутатами разного уровня или представителями политических партий и объединений редко бывают результативными. Поэтому в фокусе внимания находились оценки тех лиц, которых можно обозначить, как «компетентные очевидцы», то есть того круга, которые в силу тех или иных обстоятельств принимали участие в разработке или реализации решений, определяющих жизнь городского сообщества. Полученные сведения проверялись через другие источники, активно привлекались газетные материалы и официальная статистика.

Интервью и беседы имели полуструктурированный характер, где через биографический анализ нарративного повествования о жизни политического актора мы стремились реконструировать этапы формирования городских коалиций, действующий в них комплекс формальных и неформальных правил и порядок решения проблем. В ходе опроса мы определяли состав политической элиты, стремились выяснить, как позиционные характеристики конкретного субъекта власти соотносятся с его репутацией и влиянием на принятие ключевых решений. Отдельно респонденты давали оценку признакам режима и рассказывали о своем видении города в будущем.

Хронологические рамки исследования начинаются с середины 80-х годов, точнее с периода шахтерских забастовок, серьезно изменивших состав и конфигурацию властных отношений в городе, и заканчиваются современным периодом.

В конце 80-х годов система власти в городе Новокузнецке, по мнению большинства опрошенных, в целом представляла собой вполне сложившийся и развивающийся городской политический режим. Его ядром выступал партийно-хозяйственный актив, в котором ключевую роль играли представители партийно-административной номенклатуры. Руководители комбинатов, шахт и предприятий реализовали не только собственные программы развития, но и несли серьезную социальную нагрузку. Управленческая практика в городе находилась в соответствии со стандартами, заданными в 70 – 80-е годы командой инициативных руководителей во главе с Н. С. Ермаковым. В центре их внимания находились не только развитие экономического потенциала территории, но и расширение социальных и культурных возможностей городского сообщества. В городе активно развивается образование, спорт, медицина, деятельность культурно-просветительских учреждений.

В политическом плане различные городские группы активно участвуют в перестроечных процессах. Регулярно обсуждается идея придания городу статуса «город федерального подчинения», что объединяет сторонников различных политических платформ и объединений.

С 1991 года основную политическую роль в городе играет Совет народных депутатов (до 1993 года). В этот период формируются основные контуры и стратегии коалиции, которая будет определять приоритеты городского развития в последующие десятилетия. Политическая ситуация в городе обусловлена характерными для того времени социальными и экономическими факторами: отсутствует нормативная база, финансирование социальных программ заметно снижается (хотя в Кузбассе менее заметен спад производства), в стране начинается приватизация. В качестве приоритетных объектов выступают наиболее ликвидные предприятия и организации. Этот период пронизан конфликтами как между исполнительной и законодательной властью (до 1993 года), так и между лицами, претендующими на должность главы города. Региональные власти в лице губернатора М. Кислюка практически не вмешиваются в политическую жизнь города. В этой ситуации произошло формирование

новой политической коалиции, во главе которой стал С. Д. Мартин, обладающий опытом административного управления в партийных и административных структурах города, сумевший объединить вокруг себя руководителей, ориентированных на развитие бизнеса, связанного с городской инфраструктурой: «Водоканал», «Южкузбасстрой», «Хладокомбинат», «Новокузнецкий муниципальный банк», «Дирекция рынков Кузбасса». Люди, возглавляющие эти приватизированные и вновь созданные предприятия и организации, сформировали ядро новой коалиции, определяющей стратегию городского развития. Общую идеологическую направленность можно сформулировать как: «Сделаем город привлекательным для инвесторов», а основой общей позиции выступали личные, зачастую еще со студенческих времен, контакты и специфика локального бизнеса.

С апреля 1997 года после официальной победы на выборах С. Д. Мартин становится Главой города Новокузнецка. В октябре этого же года губернатором Кемеровской области избран А. Г. Тулеев. С этого времени городские власти начинают попадать под все усиливающийся контроль региональных властных структур, хотя время от времени стараются демонстрировать свою независимость. На этот период приходятся две смены собственников на крупнейших металлургических предприятиях (в обоих случаях городская коалиция поддерживала региональную власть), три крупнейших аварии на шахтах, непосредственно связанных с городом, приватизация муниципального имущества, закончившаяся отставкой Главы города (апрель 2010 года). Собранный материал позволяет зафиксировать в этот период все признаки коалиции (широкий спектр взаимодействия, приоритет неформальных связей, наличие «повестки дня» и т. д.). Часть экспертов отмечает ограниченность стратегии правящей группы («деньги вкладываются только в то, что приносит прибыль»), административный авторитаризм («стремление управлять всем и всегда») и снижение внимания к социальным и культурным общественным инициативам. Крупные собственники избавляются от социальной нагрузки (до 1993 года территория была закреплена за предприятиями) и соответствующих объектов, которые, перейдя на муниципальное содержание, не имеют серьезных ресурсов для развития. Региональные власти, в свою очередь, используют все возможности контролировать городскую политику, что включает в себя перевод ряда государственных структур в областной центр, регулярные кадровые согласования, активное участие в выборах всех уровней, где поддерживаются кандидаты, позиционирующие себя с областным, а не городским руководством и т. д. и т. п. Относительная политическая самостоятельность закончилась с отставкой Главы города в 2010 году. Поводом для отстранения был скандал, связанный с приватизацией муниципального имущества в пользу управляющих компаний в сфере жилищно-коммунального хозяйства и энергетики (руководили компаниями сыновья мэра).

В настоящий момент город, по выражению одного из респондентов, представляет собой «Сибирскую

площадку Евразы», местные власти лишены инициативы, эмоциональная оценка перспектив городского развития в целом зависит от позиции респондента, чем ближе к власти, тем оптимистичней.

Таким образом, в условиях кризиса 90-х годов в городе был сформирован локальный политический режим, ориентированный на местную проекцию интересов бизнеса, что в целом давало возможность отнести его к описанному Стоуном режиму роста. Основу коалиции составили держатели социального капитала, связанного с советскими номенклатурными сетями и руководители средних предприятий, подлежащих приватизации. Стремление легализовать экономический капитал одних и возможность законодательно оформить приватизацию другими обеспечило становление коалиции.

Позитивное влияние на формирование политического режима оказала идеология развития, направленная на реализацию интересов бизнеса с «городской пропиской», включение бизнесменов в систему принятия решений и историческая мифология подчеркивания исключительного статуса Города-сада. Особую роль в формировании режима сыграло наличие неформальной структуры, лиц, связанных общим жизненным опытом, образованием, которые в условиях приватизации смогли выдвинуть из своей среды лидера, ставшего мэром и главой коалиции, и реализовать собственные экономические интересы. Была выдвинута повестка дня, основой которой стали приоритеты самостоятельного городского развития и относительной независимости от региональной власти.

Однако в течение времени в связи с развитием крупного производства произошло усиление влияния бизнеса, ориентированного на международные, федеральные и региональные экономические и политические структуры, что вполне укладывается в логику «мир-системного» анализа Иммануила Валлерстайна. Сложилась ситуация, при которой у крупного бизнеса нет стимулов для развития городского сообщества, а у среднего и мелкого – нет достаточных ресурсов.

К этому внешнему по отношению к городу экономическому фактору добавился внутренний, политический, связанный с тем, что в посткризисное время на первом этапе формирования режима сложились устойчивые авторитарные практики. В итоге в городе действующая коалиция сменилась структурой власти, которую можно обозначить как «конгломерат назначенцев», что отражает, с одной стороны, наличие нескольких центров принятия решений, с другой – отсутствие потребности в активной поддержке со стороны населения. Источники капиталов властной структуры практически не связаны с локальным сообществом.

Отметим основные периоды в развитии городского сообщества и дадим оценку «Повестки дня» коалиции по критерию «кооперация – контроль».

– Период перестройки и период становления постсоветских городских институтов власти (1988 – 1997 годы). Кооперация «1».

– Первый цикл городского управления (деятельность С. Д. Мартина) (1997 – 2010 годы). Кооперация

«1» с августа 2007 года (попытка захвата газеты «Кузнецкий рабочий») – «2», с отставки Главы города – «3».

– Второй цикл городского управления (деятельность В. Г. Смолего) (с 2010 года по настоящее время). Контроль – «3».

Общая экономическая структура города в рассматриваемый период не претерпела изменений, и в целом все исследуемые властные группы можно отнести к режимам, ориентированным на интересы бизнес-структур. Ядро властной коалиции составляют ключевые фигуры в администрации города и руководители крупных металлургических и угольных предприятий. Однако, отношения между промышленниками и администрацией складываются в различных формах. Например, в поздний советский период доминировала формула «Город – социальный цех предприятия», в 90-е и нулевые годы – «Город – перспективное место для инвестиций». Сейчас нет точной артикуляции, но, вероятнее всего, город рассматривается промышленниками как вариант «бытовки при промзоне».

1. Структура власти в коалиции определяется не столько формальными законодательными актами и идеологическими приоритетами, сколько объемом имеющегося у члена политической элиты капитала (экономического, культурного, социального) и возможностью его конвертации (переводу любого из капиталов в символическую форму, дающую такое право).

2. В момент становления коалиции в условиях кризиса (минимального объема экономических капиталов) главную роль играют носители социального и культурного капитала. Коалиция формируется на основе доверия между акторами, когда обладатели капитала договариваются о совместной «повестке дня», обеспечивающей им легитимность со стороны сообщества и доступ к тем формам капитала, в которых они испытывают потребность.

3. Так как одновременно возникают несколько коалиций, борьба за капиталы (прежде всего, экономический) ведется во всех формах и всеми возможными методами, при становлении режима главную роль начинают играть авторитарные практики, дисциплинирующие членов сообщества и требующие от них максимального включения в реализацию повестки дня. Носителем авторитарных практик выступает политический лидер коалиции, именно он в ходе борьбы получает символический капитал, что означает признание за ним права легитимизировать любую форму капитала. Легитимизация происходит либо в форме законодательного оформления неформальных практик, либо путем назначения на формальные должности лиц из социального окружения лидера.

4. Изменение объемов капиталов происходит в соответствии с закономерностями «мир-системного» анализа. Если держатели капитала рассматривают свое положение на территории (в локальном сообществе) как в «ядре», то происходит рост и концентрация всех его форм, если как периферию, то, соответственно, происходит уменьшение его объемов. Ключевую роль в этом случае играет место жительства и позиция крупных собственников.

5. Сформированные в рамках коалиции авторитарные практики, с одной стороны, обеспечивают определенную стабильность при реализации «повестки дня», с другой, в соответствии с принципами ментальной динамики и институционального самоподрыва, запускают комплекс механизмов стагнации (Н. С. Розов) [5, с. 261]. Одновременно с ростом престижного потребления происходит рост элиты и перетекание общезначимых (государственных, региональных, городских) ресурсов в распоряжение членов коалиции. Не члены коалиции в рамках локального сообщества теряют свой экономический и социальный капитал.

6. Сочетание внешних (центр – периферия) и внутренних (демократические декорации при авторитарном правлении) факторов приводит к изменению целевых приоритетов коалиции власти от власти кооперации к власти контроля.

7. Перенос капиталов за границы локального сообщества «в центр» со временем делает само существование коалиции избыточным, «идеология роста» при скромных результатах реализации не выступает в качестве легитимизации политических решений. Далее символический капитал лидера переходит к региональным и федеральным структурам, экономический капитал вывозится, культурный воспроизводится только в том объеме, который предполагают ограниченные ресурсы. Рост города прекращается, что находит отражение в падении стоимости квадратного метра жилья на вторичном рынке.

8. Гипотетически при таком состоянии координации любой внешний субъект, обладающий большим объемом капитала, в состоянии достаточно легко произвести смену лидерства и полностью заменить состав действующей коалиции. Вероятнее всего, «власть для», власть как социальное производство осуществляется в сообществах, где в состав коалиции широко включены собственники, связывающие свое будущее с локальным сообществом.

В целом рассмотренный нами случай совпадает с результатами исследований в крупных американских городах. Механизмы доминирования вполне соответствуют выводам Дж. Гэвенты. Крупный экономический субъект, не связанный с территорией, на разных этапах проявляет определенную степень властной активности: от принуждения и блокировок, невыгодных для себя решений до полного невмешательства в городские дела с формированием притягательного имиджа.

В настоящий момент логика формирования режима («коалиции назначенцев») определяется институтами более высокого уровня, чем городские структуры, и вопросы городского развития решаются в соответствии с признанием их актуальности в региональных или общенациональных органах власти. Уровень легитимности действующего губернатора в регионе значительно превышает и превышает уровень легитимности городских властей, авторитарные методы управления привели к исключению и неучастию демократически ориентированных электората и элиты в местных политических процессах. Отсутствие рав-

ноправной конкуренции, выборочное карьерное продвижение на основе принципов лояльности, создание подконтрольных экономических структур снижают качество принимаемых коалицией управленческих решений.

В сложившихся условиях необходимо формирование институтов и практик, обеспечивающих социальную ответственность бизнеса не столько перед властями, сколько перед населением. Однако в настоящий момент нет субъекта, способного предложить и реализовать программу усиления контроля над бизнес-структурами. В США, как показано в работах Р. Даля, электоральный ресурс стал ресурсом власти в условиях роста численности населения, вызванного иммиграцией, и развития демократических процедур. В рассматриваемом нами городе население сокращается, и для обслуживания производства со временем требуется все меньше и меньше рабочей силы, так как ряд предприятий модернизируется, ряд закрывается. Приход к власти политического лидера, ориентиро-

ванного на активные прогрессивные инициативы (повышение экологической безопасности, серьезные вложения в доступную медицинскую помощь и образование), маловероятен, так как для его победы необходимо электоральное большинство, чего сложно добиться, учитывая корпоративную подконтрольность работников. Кроме этого, вновь создаваемая коалиция должна предоставить адекватную программу решения городских проблем, увязать ее с индивидуальными интересами участников, что означает неизбежный конфликт с уже сложившимися структурами, на решение которого вновь потребуются дополнительные ресурсы.

Вероятно, один из позитивных выходов из сложившейся ситуации – решение проблем на национальном уровне принятием соответствующего законодательства, закрепляющего социальную ответственность крупного промышленного бизнеса перед населением в форме индивидуально-ориентированных договорных обязательств.

Литература

1. Гельман, В. Я. Локальные режимы, городское управление и «вертикаль власти» / В. Я. Гельман, С. И. Рыженков // Политическая экспертиза. – 2010. – № 4.
2. Дерлугян, Г. Как устроен этот мир. наброски на макросоциологические темы / Г. Дерлугян. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. – 384 с.
3. Ледяев, В. Г. Социология власти: теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах / В. Г. Ледяев. – М.: ИД НИУ ВШЭ, 2012. – 472 с.
4. Льюкс, С. Власть: радикальный взгляд / С. Льюкс. – М.: ИД НИУ ВШЭ, 2010. – 240 с.
5. Розов, Н. С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке / Н. С. Розов. – М.: РОССПЭН, 2011. – 735 с.

Информация об авторе:

Пустовойт Юрий Александрович – кандидат политических наук, доцент кафедры истории Новокузнецкого института (филиала) КемГУ, директор Центра практической социологии и психологии Сибирского государственного индустриального университета (СибГИУ), 8 923 631 80 83, pustovoyt1963@gmail.com.

Yury A. Pustovoyt – Candidate of Political Science, Assistant Professor at the Department of History, Novokuznezk Institute (branch) of Kemerovo State University, Director of the Centre of practical sociology and psychology, Siberian State Industrial University.